

von welcher, seines Wissens (⊂—⊂—⊂—⊂) трехсложный ямб;

noch keine, nur irgend (⊂—⊂—⊂—⊂) двустопный амфибрахий;

lesbare Übersetzung sich findet (—⊂—⊂—⊂—⊂—⊂) дактило-хореический отрывок, в котором два раза следует за дактилем хорей.

die hauptsächlichste (⊂——⊂—) ямб с дактилем, сочетание, отвергаемое версификацией; отрывок, чуждый стихотворного размера;

Schwierigkeit, die ihm (—⊂—⊂—) трехстопный хорей;

bei Ausführung seines Vorhabens aufsties (—⊂—⊂—⊂—⊂—⊂—) семистопный хорей;

war die Wahl (—⊂—) отрывок, слишком короткий для того, чтобы можно было без натяжки назвать его двустопным ямбом; стихотворного размера нет.

einer Versart (—⊂—⊂) двухсложный хорей.

Можно было такое разложение немецкой прозы на маленькие стихотворные отрывки продолжать до бесконечности, и мы везде нашли бы то же самое, что и в разобранных нами строках: почти вся крыду немецкая прозаическая речь разлагается на смешение нескольких с рядом хореических стоп с несколькими с рядом ямбическими стопами; изредка попадаются отрывки дактилического или амфибрахического размера; изредка попадает несколько слогов, подводить которые под стихотворный размер была бы вещь невозможная или натянутая; в нашем примере на 101 слог нам попалось 8 таких слогов (1 из двенадцати). Очень понятно, что немецкая речь чрезвычайно легко укладывается в немецкие общеупотребительные размеры: для этого достаточно самого легкого изменения или перестановки слов. Попробуем, напр., приведенный нами отрывок превратить в чистые хорей (отмечаем курсивом измененные или перестановленные для этого слова):

*Viele Freunde des Verfassers, die der alten Sprache
 wohl nicht kundig, aber fähig sind jede Schönheit des Poëten zu
 empfinden, wünschten mit der Aeneis
 jenes grossen römischen Poëten
 etwas mehr durch ihn bekannt zu werden,
 denn von der Aeneis, seines Wissens, keine nur
 irgend lesbar? Übersetzung findet sich и т. д.*

Попробуем обратить в ямбы те же самые фразы:

*Sehr viele Freunde des Verfassers, die der alten Sprache kundig
 nicht
 die Schönheit des Poëten zu empfinden, wünschten
 sehr durch ihn mit der Aeneis*

ния слов этих под ямб или хорей мы прибегали ко всем натяжкам нашей версификации; чего же успели мы достичь? из 92 слогов только 43 идут под стихотворные размеры; больше половины ни под какой размер нельзя подвести.

Продолжаем нашу выписку, отмечая курсивом отделы речи, подходящие под какой-нибудь размер, имя которого ставим в скобках.

«В бричке сидел господин (дактиль), не красавец, но и не дурной наружности (хорей), ни слишком толст, ни слишком тонок (ямб); нельзя сказать (ямб), чтобы стар, однакож и не так (ямб) чтобы слишком молод (хорей). Въезд его не произвел (хорей) в городе совершенно никакого шума (хорей) и не был сопровожден ничем особенным (ямб); только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака (анапест) против гостиницы, сделали кое-какие замечания (ямб), относившиеся впрочем (хорей) более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты», сказал один другому (ямб), «вон какое колесо! (хорей) что ты думаешь (хорей), доедет то колесо, если б случилось (дактиль) в Москву, или не доедет (хорей)?» — «Доедет», отвечал другой (ямб). «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» (хорей). «В Казань не доедет» (хорей), отвечал другой (хорей). Этим разговор (ямб) и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице (ямб), встретился молодой человек (анапест) в белых канифасовых (хорей) панталонах, весьма узких и коротких (хорей), во фраке с покушеньями на моду (хорей), из-под которого видна была манишка (ямб), застегнутая Тульскою булавкою (хорей) с бронзовым пистолетом. Молодой человек (анапест) оборотился назад, посмотрел экипаж (анапест), придержал рукою (хорей) картуз, чуть не слетевший (дактиль) от ветра, и пошел своей дорогой» (хорей).

Всего в сложности отрывки, в которых мы успели отыскать стихотворный размер, составляют 233 слога; отрывки, которых не могли мы подвести под размер, 108 слогов; соединяя с цифрами, полученными прежде, мы будем иметь 276 слогов, подходящих под наши литературные стихотворные стопы, 157 слогов, не подходящих под стопы. Более нежели треть слогов не подходит под домоносковские (немецкие) стопы в русской прозе. Чтобы прочнее был выведенный нами результат, проверим его на других отрывках и, во-первых, проверим его над началом Повести о капитане Копейкине.

«После кампании (дактиль) двенадцатого года (ямб), судырь ты мой, вместе с ранеными прислан был и капитан (хорей) Копейкин. Пролетная голова, привередлив как чорт (амфибрахий), побывал и на гауптвахтах (хорей), и под арестом, всего отведдал (ямб). Под Красным ли, или под Лейпцигом (дактиль), только можете вообразить (хорей): ему оторвало руку и ногу (дактиль). Ну, тогда еще не успели (хорей) сделать насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений (хорей); этот какой-нибудь

инвалидный капитал (хорей) был уже заведен (анапест), можете представить (хорей) себе, в некотором роде после. Капитан Копейкин видит (хорей): нужно работать бы, только рука-то (дактиль) у него, понимаете, левая (анапест). Наведался было домой к отцу (ямб), отец говорит (амфибрахий): «Мне нечем тебя кормить (ямб); я, можете представить (хорей), сам едва достаю (анапест) хлеб». Вот мой капитан (хорей) Копейкин решил отправиться, судырь (амфибрахий) мой, в Петербург, чтобы хлопотать (хорей) по начальству, не будет ли какого (ямб) вспоможенья...»

184 слога успели мы подвести под размеры, 74 слогов (2/7) не успели. Берем еще отрывок, знаменитый почти в такой же степени, как Повесть о Копейкине, разговор дамы прекрасной во всех отношениях с просто прекрасною дамою:

«Какой веселенький ситец!» — «Да, очень веселенький. Праксавья Федоровна однакоже находит, что лучше, если бы (ямб) клеточки были помельче (дактиль), и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые (хорей). Сестре я прислала материйку: это такое (амфибрахий) очарованье, которого просто (дактиль) нельзя выразить словами (хорей); вообразите себе (дактиль) полосочки узенькие, узенькие (хорей), какие только может (ямб) представить воображение человеческое, фон голубой, и через полоску (хорей) все глазки и лапки (амфибрахий), глазки и лапки (дактиль), глазки и лапки (дактиль). Словом, бесподобно! (хорей) Можно сказать решительно, что ничего еще (ямб) не было подобного (хорей) на свете». — «Милая! это пестро!» (дактиль) «Ах, нет, не пестро!» (амфибрахий) — «Ах, пестро!» — «Да, поздравляю вас, оборок более не носят» (хорей). — «Как не носят?» (хорей) — «На место их фестончики» (ямб). — «Ах, это не хорошо, фестончики». — «Фестончики, все фестончики»...

Всего слогов, которые подходят под размеры, 177; таких, которые не подходят, 77 (немного менее, нежели третья доля всего количества слогов). Таким образом, в русской непринужденной речи около четвертой или даже третьей доли слогов, ее составляющих, не подходит под ломоносовские стопы. Из этого одного вправе уже мы заключить, что писать стихи ломоносовскими стопами на русском языке гораздо менее удобно, нежели писать стихи по той же самой системе версификации на немецком языке, в прозе (естественной, непринужденной речи) которого гораздо менее попадается слогов, нарушающих единство размера в синтаксических подразделениях фразы.

Но мало того, что в русской речи бывает много слогов, не подходящих под размеры; есть еще другая трудность. Обыкновенно пишут чистыми ямбами, хорейми, амфибрахиями и т. д. В немецкой прозе перемешаны почти только одни ямбические и хорейские отрывки; потому писать, напр., ямбами необыкновенно легко: для превращения хорейского отрывка в ямбический

инвалидный капитал (хорей) был уже заведен (анapest), можете представить (хорей) себе, в некотором роде после. Капитан Копейкин видит (хорей): нужно работать бы, только рука-то (дактиль) у него, понимаете, левая (анapest). Наведался было домой к отцу (ямб), отец говорит (амфибрахий): «Мне нечем тебя кормить (ямб); я, можете представить (хорей), сам едва достаю (анapest) хлеб». Вот мой капитан (хорей) Копейкин решился отправиться, судырь (амфибрахий) мой, в Петербург, чтобы хлопотать (хорей) по начальству, не будет ли какого (ямб) вспоможенья...»

184 слога успели мы подвести под размеры, 74 слогов (2/7) не успели. Берем еще отрывок, знаменитый почти в такой же степени, как Повесть о Копейкине, разговор дамы прекрасной во всех отношениях с просто прекрасною дамою:

«Какой веселенький ситец!» — «Да, очень веселенький. Прасковья Федоровна однакоже находит, что лучше, если бы (ямб) клеточки были помельче (дактиль), и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые (хорей). Сестре я прислала материйку: это такое (амфибрахий) очарованье, которого просто (дактиль) нельзя выразить словами (хорей); вообразите себе (дактиль) полосочки узенькие, узенькие (хорей), какие только может (ямб) представить воображение человеческое, фон голубой, и через полоску (хорей) все глазки и лапки (амфибрахий), глазки и лапки (дактиль), глазки и лапки (дактиль). Словом, бесподобно! (хорей) Можно сказать решительно, что ничего еще (ямб) не было подобного (хорей) на свете». — «Милая! это пестро!» (дактиль) «Ах, нет, не пестро!» (амфибрахий) — «Ах, пестро!» — «Да, поздравляю вас, оборок более не носят» (хорей). — «Как не носят?» (хорей) — «На место их фестончики» (ямб). — «Ах, это не хорошо, фестончики». — «Фестончики, все фестончики»...

Всего слогов, которые подходят под размеры, 177; таких, которые не подходят, 77 (немного менее, нежели третья доля всего количества слогов). Таким образом, в русской непринужденной речи около четвертой или даже третьей доли слогов, ее составляющих, не подходит под ломоносовские стопы. Из этого одного вправе уже мы заключить, что писать стихи ломоносовскими стопами на русском языке гораздо менее удобно, нежели писать стихи по той же самой системе версификации на немецком языке, в прозе (естественной, непринужденной речи) которого гораздо менее попадается слогов, нарушающих единство размера в синтаксических подразделениях фразы.

Но мало того, что в русской речи бывает много слогов, не подходящих под размеры; есть еще другая трудность. Обыкновенно пишут чистыми ямбами, хорейми, амфибрахиями и т. д. В немецкой прозе перемешаны почти только одни ямбические и хорейские отрывки; потому писать, напр., ямбами необыкновенно легко: для превращения хорейского отрывка в ямбический

нужно только вставить или отнять сначала односложное слово; точно так же и ямбический отрывок обратится в хорейский через простое прибавление или уничтожение в начале его односложного слова. Но в русской непринужденной речи кроме ямбических и хорейских отрывков попадает очень много отрывков, состоящих из трехсложных стоп (в разобранных нами примерах всего 594 слога подходят под размеры; из них 77 слогов дактилических отрывков, 43 амфибрахических, 47 анапестических, всего 167 слогов, подходящих под трехсложные стопы; 259 слогов не успели мы подвести под стихотворный размер). Трехсложные стопы нельзя так легко обратить в двусложные, как ямб в хорей или хорей в ямб: для этого понадобилось бы в каждой стопе (а не только в начале отрывка) выкидывать или вставлять по слогу — это почти невозможно сделать, не заменив слов, составляющих фразу, другими словами. Поэтому, если мы начнем, напр., писать ямбом или хореем, мы найдем ровно половину слогов нашей непринужденной речи сопротивляющимися размеру, принятому нами (за исключением 167 слогов, принадлежащих трехсложным стопам, останется у нас 427 слогов ямбических и легко обращающихся в ямбы хорейских; будут сопротивляться нашему размеру 259 слогов, неидущих под размеры, и 167 слогов, принадлежащих трехсложным стопам, всего 426 слогов).

Нам остается объяснить две вещи: 1) отчего происходит, что немецкая речь гораздо легче, нежели русская, укладывается в стихотворные размеры; 2) отчего в русской прозаической речи нам попадалось гораздо больше отрывков, состоящих из двухсложных стоп, нежели из трехсложных, между тем как в предыдущем замечании мы нашли, что русская речь должна естественнее укладываться в двухсложные, нежели в трехсложные стопы?

На первый вопрос ответ готов: в немецком языке слова гораздо меньше имеют слогов, нежели в русском; в русском языке ударение бывает, как случится, на различных местах в слове (выговорить — ударение на приставке; наговорить — ударение на окончании), между тем как в немецком оно всегда стоит на коренном слоге; потому сочетания ударений в русской фразе выходят гораздо разнообразнее, нежели в немецкой. Можно сказать, что немецкая речь механически укладывается в двусложные стопы; чтобы убедиться в этом, стоит сличить ямбическое и хорейское немецкие стихотворения. (Для примера возьмем только первую стопу.) В «Die Ideale» Шиллера, стихотворении, писанном ямбами, из 88 стихов 72 стиха начинаются односложными частицами; из остальных шестнадцати десять начинаются трехсложными словами, у которых первым слогом сложный предлог (*vergebens, erlöschten* и т. п.), так что всего в 6 только стихах первая стопа составила не по механическому правилу: если поставить односложную частицу или сложное с предлогом слово в начале стиха, то получится ямбическая стопа. В его *Kassandra* 128 сти-

хов (Кассандра писана хореем); из них только в двух стихах (in Apollo's Lorbeerhain и ich allein muss einsam trauern) первая стопа устроена не по механическому правилу: ставьте в начале стиха два односложных слова, или одно односложное, а потом слово сложное с предлогом, или начинайте стих словом несложным с предлогом, и у вас выйдет хорейская стопа. Точно так же механически строятся и все стопы. Само собою разумеется, что этот механический способ укладывать речь в стихи усваивается привычкою, бессознательно; но кто же не согласится, что при таком простом механизме, при таком правильном (если угодно, однообразном) сочетании ударений в речи, стихи выходят очень легки и непринужденны? Ничего подобного этому в русской речи быть не может.

Теперь второй вопрос: отчего у нас так много набралось хорейских и ямбических стоп в разобранных нами отрывках? Оттого, что все пэоны обращали мы в хорей или в ямбы, искусственно ставя принужденные ударения, как ставятся они в наших ямбических или хорейских стихах. Чистых ямбических или хорейских отрывков набралось бы у нас очень мало.